

Образ сумасшедшего дома в творчестве М. А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита» и его ранних редакций)

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения феномена безумия в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности, уделяется внимание специфике пространства сумасшедшего дома. Исследуемая тема рассматривается на материале разных редакций произведения.

The article describes traditional for Russian literature and culture concept of a madhouse in the context of the novel “Master and Margarita” by M. Bulgakov. Concept of the madhouse in the novel is interpreted in socio-philosophical aspect of the Theme of madness. Madhouse in Bulgakov’s works is a place of insight, model of society, illustration to the question of the borders between the norm and madness.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И ФРАЗЫ: М.А. Булгаков; мотив безумия; образ сумасшедшего дома.

KEY WORDS AND PHRASES: M. Bulgakov; motif of madness; concept of madhouse.

Психиатрическая лечебница — один из ярких и постоянных образов в мировой литературе. Он связан со сквозной темой безумия, которая, как убедительно доказывают многочисленные литературоведы и культурологи (Л. К. Антошук, О. А. Иоскевич, И. Поспишил и др.), представлена в различных литературных эпохах («особенно в тех, которые проблематизируют отношения между литературой и действительностью»¹). В отечественной литературе 1920–1930-х гг. феномен безумия привлекал достаточно широкий круг авторов, таких как А. Т. Аверченко, К. К. Вагинов, М. Горький, Ф. В. Гладков, Б. С. Житков, В. Я. Зазубрин, С. С. Заяицкий, Л. М. Леонов, Ю. К. Олеша, А. М. Соболев, Г. И. Шилин и многие другие —

и тема безумия в целом, и образ психиатрической лечебницы в частности обретают в их произведениях разностороннее воплощение. В романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931) и их же водевиле «Вице-король» психиатрическая лечебница — пристанище симулянтов: ошибочно диагностированное психическое заболевание позволяет героям избежать уголовного наказания. Разграничение симуляции и настоящей душевной болезни — одна из тем повести С. О. Бройде «В сумасшедшем доме» (1925). Особый взгляд на проблему представлен в романе О. Д. Форш «Одеты камнем» (1925), где пациенты больницы представлены как «свободные люди», способные жить без масок. В повести Ф. В. Гладкова «Пьяное солнце» (1927) санаторий для нервнобольных — убежище для тех, кто не смог вынести противоречия между романтикой революционного переустройства и неизменным бытом. Герои романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933) — пациенты психиатрической клиники — осознают, что мысли и поступки человека обусловлены биологией и могут быть предметом изучения. В романе А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925) рассказывается о системе «психического отравления» пациентов, а в романе А. Белого «Москва» (1926–1930) рассматривается проблема лечения безумия: автор уделяет внимание двум типам воздействия — на тело и душу обитателей лечебницы.

Тема безумия достаточно обстоятельно представлена и в художественном мире М. А. Булгакова. В разной степени она реализована в рассказах «Красная корона» и «Морфий», повести «Дьяволиада», фельетоне «Как он сошел с ума», пьесах «Бег», «Блаженство», «Адам и Ева», «Дон Кихот», либретто «Черное море» и других произведениях. В контексте исследуемой темы примечательны и фрагменты словаря, приведенного Булгаковым в материалах для учебника по истории СССР: «Ненормальный — душевно больной человек»² и «Психический — греч. от *psyche* — „душа“. Душевный. Психически ненормальный — душевнобольной (сумасшедший)»³. Интерес писателя к теме сумасшествия отмечен в работах исследователей: К. Н. Атаровой, О. А. Дашевской, Г. А. Лескисса, О. В. Федудиной, В. В. Химич, Е. В. Шабалдиной, Е. А. Яблокова и др. В данной статье мы уделим внимание образу психиатрической лечебницы в романе «Мастер и Маргарита».

Внимание Булгакова к феномену безумия было отмечено в воспоминаниях современников. Сестра писателя Н. А. Земская вспоминала: «Мишу всегда интересовали

патологические глубины человеческой психики»⁴. В книге Ю. Г. Виленского «Доктор Булгаков» указано, что во время обучения в Киевском университете будущий писатель прослушал курс нервных и душевных болезней, прочитанный профессором М. Н. Лапинским⁵. Журналист и литератор А. Е. Явич вспоминал о разговоре с Булгаковым относительно нормы и безумия в контексте мировой истории⁶. Среди домашних книг Булгакова значились издания, связанные с упомянутой темой⁷ — особый интерес представляет книга В. В. Брусянина «Доктора и пациенты»⁸, в которой приводились описания врачей из различных художественных произведений, таких как «Препятствие» А. Н. Будищева (1908), «Ветер» О. Дымова (1908), «Ночью» А. В. Тырковой (1910) и др.

В контексте рассматриваемой темы особую ценность имеет дневник Е. С. Булгаковой, в котором отмечено, что, прорабатывая тему безумия в романе «Мастер и Маргарита», писатель общался с доктором-невропатологом Самуилом Цейтлиным («М. А. нравится Цейтлин и как человек, и как блестящий психиатр»⁹) и брал у него книги по психиатрии. В апреле 1938 г. Булгаков читал перед специалистами сцены из романа: «Сегодня вечером — чтение. М. А. давно обещал Цейтлину и Арендту, что почитает им некоторые главы (относящиеся к Иванушке и его заболеванию)»¹⁰. На С. Л. Цейтлина, как и на всех присутствовавших на чтении, роман произвел глубокое впечатление: «Было очень много ценных мыслей высказано Цейтлиным. Он как-то очень понял весь роман по этим главам»¹¹. В разговоре с Е. С. Булгаковой невропатолог отмечал: «Я поражаюсь интуиции М. А. Он так изумительно разбирается в психологии больных, как ни один доктор-психиатр не мог бы разобраться»¹². В апреле 1938 г. С. Л. Цейтлин в письме к Булгакову приводил медицинский комментарий относительно болезни Бездомного:

Иван Николаевич должен был по законам психопатологии испытывать чувство тоскливого страха <...> Иван Николаевич, как мне кажется, главным образом направляет свою активность по линии преследования врагов и разрушения их замыслов, но ничуть не реагирует на необычность совершающегося с ним самим. Этому синдрому свойственно больше депрессивное состояние, переходящее в панику и затем уже в двигательное возбуждение с разрушением всех преград в стремлении спастись... Это какой-то алкогольный галлюциноз, который может вылиться в более стойкий бред с тенденцией к систематизации —

алкогольный параноид (гретеровская форма шизофрении). Но все же он — бедняга — отравлен, и это не может не сказаться на его настоящем состоянии¹³.

За время работы Булгакова над романом «Мастер и Маргарита» (1928–1940-е гг.) степень художественного воплощения феномена безумия варьировалась — связанный с темой сюжетно-мотивный комплекс менялся от редакции к редакции. Так, в финальном тексте романа отсутствуют несколько сюжетных эпизодов, характерных для более ранних его редакций: Пилат подозревает Иешуа в разыгрывании психического расстройства, Пилат просит Иешуа помутить разум Каифы, Воланд появляется в психиатрической лечебнице и др. Примечательно, что в ранних вариантах романа фигурируют и другие больницы, где содержатся душевнобольные: в редакции 1928–1929-х гг. Пилат стремится заменить смертный приговор Га-Ноцри и настаивает на его насильственном помещении (как психически больного) в лечебницу в Кесарии Филипповой (допустимо предположение, что у клиники Стравинского была «ершалаимская параллель»); также упоминается сумасшедший дом в Звенигороде, куда был отправлен Степан Лиходеев.

Значим для характеристики исследуемого образа способ его номинации. В литературе можно встретить как достаточно распространенные наименования: «сумасшедший дом», «психиатрическая лечебница», «дом скорби» и т.п., — так и довольно специфические или редкие: в рассказе А. П. Платонова «Усомнившийся Макар» (1929) встречаются определения «институт психопатов», «институт душевнобольных», «душевная больница», «безумный дом», в «Сожженном романе» (1920–1940-е гг.) Я. Э. Голосовкера лечебница получает названия «юродом» (дом юродивых) и «психейный дом». В романе «Мастер и Маргарита» клиника Стравинского именуется как «психическая» и «психиатрическая» (так ее называют извозчики у ресторана), «лечебница» и «больница» (так ее называет Стравинский). Интересно, что в ранних редакциях, в соответствии с реконструкцией текста, осуществленной М. О. Чудаковой, было указано более детальное название клиники — «психиатрическая лечебница имени товарища Семашко»¹⁴. Это довольно нейтральные наименования, но, мы полагаем, в отношении к роману не без нюансных различий и особенностей. В контексте философских интерпретаций темы символичным кажется определение, данное врачом

приемного отделения: «Вы находитесь <...> не в сумасшедшем доме, а в клинике»¹⁵. Значение и этимология указанной лексемы имеют расхождение: согласно историко-этимологическому словарю П. Я. Черных, «клиника» в переводе с греческого языка означает «врачевание; уход за лежащим больным; ложе»¹⁶ (подразумевающее пребывание пациента в покое); однако клиника, согласно толковым словарям В. И. Даля и С. И. Ожегова, как институт не ограничивается лечебной функцией, но занимается изучением пациентов, что в определенной мере ставит под сомнение возможность покоя (вторжение во внутренний мир пациента, который, в свою очередь, обретает статус предмета изучения). В связи с этим также примечательны параллели между «закатным романом» и рассказом «Морфий»: в более раннем произведении профессор уверяет Полякова, что он не «тюремный надзиратель», а клиника не «Бутырка» и пророчит морфинисту в случае побега скорое возвращение в лечебницу — данные мотивы обозначены и в романе «Мастер и Маргарита»¹⁷.

В создании образа сумасшедшего дома и воплощении феномена безумия значимую роль играют мотив лечения безумия и образ врача-психиатра. В разных редакциях романа, помимо профессора Стравинского, упоминаются фельдшеры, ординаторы, санитары («множество народу в белых халатах» [1; 442]). Наиболее детально представлены при этом образы фельдшерицы Прасковьи Федоровны (варианты номинаций — Агафья Ивановна, Прасковья Васильевна) и врача приемного отделения. Образ последнего в черновиках романа 1931 г. обладал примечательными деталями:

...В комнату вошел еще один человек, тоже в балахоне, из кармашка коего торчал черный конец трубочки. Человек этот был очень серьезен. Необыкновенно весь спокоен, но при крайне беспокойных глазах. И даже по бородке его было видно, что он величайший скептик. Пессимист [1; 113].

Отметим, что лечение в клинике Стравинского заключается в возвращении пациентам покоя — на наш взгляд, указанное состояние беспокойства врача в определенном смысле роднит героя с пациентами лечебницы. Данный мотив (обретение врачом статуса пациента) характерен и для мировой литературы (произведения Э. По, Т. Харриса, А. П. Чехова, М. П. Арцыбашева и др.), и, в частности, для художественного мира Булгакова («Морфий»). Другая значимая деталь

образа врача-психиатра — подчеркнутое автором следование определенной философской концепции («величайший скептик»¹⁸, «пессимист»). В силу профессии герой выступает в роли своеобразного мерила нормы и безумия, а обозначение философской позиции маркирует точку зрения героя, с позиции которой происходит дифференциация. В последующих редакциях Булгаков не стал развивать данный мотив, но мы можем предположить, что образ врача приемного отделения было бы логичным рассмотреть в ряду героев «Палаты № 6» (1892) А. П. Чехова (Рагин и учение Марка Аврелия), рассказа «Мысль» (1902) Л. Н. Андреева (Керженцев и концепция «сверхчеловека»), рассказа «Смех» (1903) М. П. Арцыбашева (доктор и идея о комбинациях), повести «В сумасшедшем доме» (1905) И. Ф. Наживина (ассистент и философия «вечно-го цикла») и произведений других авторов.

В русской литературе XIX в. сложилась традиция¹⁹ негативного изображения психиатрической лечебницы: в произведениях разных авторов (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, В. М. Гаршин и др.) подчеркивается тяжесть положения в лечебнице душевнобольного, несостоятельность психиатрии как науки, разруха и казенщина в лечебницах, лечебные процедуры сравниваются с пытками инквизиции. Положительный образ сумасшедшего дома встречается реже: как пример приведем книгу И. К. Быковского «Сто дней в сумасшедшем доме» (1903), в которой упоминается о квалифицированных сотрудниках и комфортных условиях содержания в клинике Н. А. Алексеева: пациента «ждет самое теплое участие, гуманное обращение и самый заботливый уход»²⁰. Отчасти примером подобного рода может считаться и роман Булгакова: клиника Стравинского обладает внешней привлекательностью, что подчеркивается через сравнения с известными гостиницами (в различных редакциях романа — «Националь», «Астория», «Метрополь»), в упоминаниях о техническом оснащении и вежливом персонале, комфортных условиях содержания пациентов, в обозначенной «философии» клиники («вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности» [2; 558]). Однако в соответствии с представленной Ю. М. Лотманом в статье «Дом в „Мастере и Маргарите“» смысловой оппозицией «дом — антидом» в романе образ клиники может быть рассмотрен как модель «ложного дома». Внешняя привлекательность клиники оказывается иллюзией — в романе обозначена своеобразная театральность поведения персонала клиники (возможность

их внезапного преобразования): доктор Стравинский — «по-актерски обритый» [2; 602], вежливость санитаров контрастирует со способностью к подавлению активности пациента («женщина одним взмахом распорол ветхий рукав ковбойки и вцепилась в руку с неженской силой» [2; 590]), «обитые мягким, стеганые стены» [1; 117] заглушают крики и являются частью механизма, обозначенный тезис «вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности» [2; 588] оказывается фикцией, поскольку «надобность» обозначается в ходе беседы с врачом. В данном контексте символичен образ лекарства, приносящего покой: в художественном мире Булгакова он связан с мотивом мнимости: так, в рассказе «Морфий» и пьесе «Блаженство» открыто подчеркивается опасность подобной формы лечения. Примечательно, что лечение уколами в клинике Стравинского — универсальное средство, уколы применяют не только в индивидуальных случаях, но и массово:

Пришлось разъяснять необыкновенный случай с поющими «Славное море» служащими (кстати: профессору Стравинскому удалось их привести в порядок в течение двух часов времени путем каких-то впрыскиваний под кожу) [2; 771].

Еще одна важная составляющая образа сумасшедшего дома — детали внутреннего и внешнего пространства: двери, стены, помещения, больничный сад и др. У разных авторов эти детали могут нести разную смысловую нагрузку. Например, в повести Г. П. Белорецкого «В сумасшедшем доме» (1903) пространство палат гротескно отражает внутреннее состояние пациентов и преобразуется в соответствии с их душевным недугом, тогда как сад при лечебнице в романе А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» используется для внушения пациентам мыслей о смерти. По-разному решается в литературе и тема мнимости внутренних и внешних границ психиатрической лечебницы, а также легкости перехода героев из мира «нормы» в мир «безумия»: в поэме А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (1857) герой путешествует в стенах лечебницы во сне, в новелле М. Салтыкова «В больнице для умалишенных» (1873) сатирически представлена ситуация, согласно которой герои совмещают лечение в психиатрической лечебнице и профессиональную практику в городе, в повести А. П. Чехова «Палата № 6» Моисейка пользуется правом свободного выхода на улицу, в рассказе И. В. Наживина «В сумасшедшем доме» герой находится в клинике на

экскурсии, сиделка Маша в драме Л. Н. Андреева «Мысль» (1914) не запирает двери в камеры. В булгаковском романе Мастер крадет связку ключей и получает возможность свободного перемещения внутри клиники (по общему балкону на этаже), однако преодоление внешних границ герой не планирует, поскольку удовлетворен своим положением. В данном контексте примечателен образ больничной решетки — Мастер сообщает: «Вот лето идет к нам. На балконе завьется плющ, как обещает Прасковья Федоровна» [2; 644]. В романе создается эффект «двойной решетки» (плющ — сетка), функции которой определяются в зависимости от интерпретации самого образа (она препятствует побегу, защищает от вторжения или обладает другой функцией). Образ плюща в романе связан с мотивом мнимости: в черновиках романа 1931 г. плющом обвит забор ресторана, из-за чего его обитатели путают Ивана с официантом; в редакции романа 1937–1938 гг. плющом увита терраса дома, где живет Низа. В финальной редакции плющом увит и дом, обещанный Воландом героям романа: «Там вы найдете дом, увитый плющом, сады в цвету и тихую реку» [1; 836], что является значимой деталью в рамках философских дискуссий относительно судьбы Мастера и Маргариты.

Детали образа клиники позволяют сделать заключение о ситуации безумия в городе: так, в различных редакциях романа упоминается о поминутной необходимости телефона в приемной, о постоянной нехватке мест в лечебнице. В редакции романа 1932–1936 гг. отмечалось количество палат: «В здании было триста совершенно изолированных одиночных палат» [1; 213]. Отметим и то, что отправляют в клинику как единицами, так и массово — в стенах лечебницы оказывается целая партия работников городского зрелищного филиала (в редакции романа 1932–1936 гг. упоминается 87 человек). По справедливому замечанию Г. А. Лесскиса, сцена с коллективным пением «Священного моря» в определенной степени может восходить к роману А. Р. Беляева «Властелин мира» (1928), где изображен массовый психоз из-за навязчивой мелодии — примечательным в контексте булгаковского романа является сцена в опере:

Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта «О, ночь любви» запели вдруг под аккомпанемент оркестра «Мой милый Августин»²¹.

Во всех редакциях булгаковского романа поэта отправляют в клинику Стравинского по решению Арчибальда Арчи-

бальдовича. В связи с этим обозначена проблема аттестации душевной болезни. В художественной литературе аттестация безумия обычно представлена в соответствии с его характерными атрибутами и признаками, такими как выходящие за рамки нормы внешний вид героя (одежда) и поведенческие особенности (смех, взгляд, речь), нарушение общественного порядка и др. Несоответствие Бездомного указанным критериям нормы становится основанием для обращения «пирата» в «психиатрическую». На философском уровне указанная тема развивается в рамках «поединка» профессора и поэта, где логика становится инструментом дифференциации «нормы» и «не-нормы» («Я — нормален. — Ну вот и славно, — облегченно воскликнул Стравинский, — а если так, то давайте рассуждать логически» [2; 604]). Атрибуция безумия с помощью логических построений прослеживается и в рассказе Булгакова «Красная корона» («Я рассуждаю здраво: раз в венчике — убитый, а если убитый приходит и говорит, значит я сошел с ума»²²), однако в данном случае представлена самоатрибуция безумия, что также является частотным мотивом в литературе и искусстве (яркий пример подобного прослеживается в рассказе Л. Н. Андреева «Мысль», где герой доказывает и собственную вменяемость, и наличие душевной болезни). В произведениях Булгакова значимой деталью аттестации безумия является взгляд героя — в рассказе «Морфий» именно глаза выдают болезнь Полякова (несмотря на то, что он уверяет врача в обратном), в романе «Мастер и Маргарита» Берлиозу и Бездомному кажется безумным один из глаз Воланда, также в романе Рюхин пугается, когда в клинике замечает изменение в глазах Бездомного:

Рюхин всмотрелся в Ивана и похолодел: решительно никакого безумия не было у того в глазах. Из мутных, как они были в Грибоедове, они опять превратились в прежние ясные. «Батюшки, — испуганно подумал Рюхин, — Да он и впрямь нормален? <...> Нормален, нормален, только рожа расцарапана» [2; 588].

Ранее, в сцене на Патриарших прудах, Воланд предсказывает поэту пребывание в «доме скорби». Предсказание сумасшедшего дома — устойчивый мотив в творчестве Булгакова. В произведениях писателя подобное «пророчество» обычно исходит от специалиста по медицине или другим наукам: Бездомному лечебницу предрекает Воланд — профессор черной магии «D-r Theodor Voland» [1; 79]; в романе «Белая гвардия» — клиника обещана доктором Турбиным

сифилитику Русакову («Батюшка, нельзя так, — застонал Турбин, — ведь вы в психиатрическую лечебницу попадете» [1; 332]); в пьесе «Блаженство» профессор Граббе сообщает Милославскому и Бунше, что их планируют лечить в Институте гармонии от клептомании и деменции, а в рассказе «Морфий» профессор предостерегает Полякова:

Поймите, что вы все равно попадете в психиатрическую лечебницу, ну, немножко попозже... и притом попадете в гораздо более плохом состоянии²³.

В рамках исследуемой темы примечательны обстоятельства появления героев в стенах психиатрической лечебницы. Причиной психического расстройства Мастера становится травля в печати и последовавшее за этим чувство страха (герой боится темноты и вообразяемого спрута): «Словом, наступила стадия психического заболевания» [2; 640]. Однако в отличие от Бездомного Мастер — единственный из упоминаемых в романе героев, оказывающийся в клинике по собственному желанию:

Я знал, что эта клиника уже открылась, и через весь город пешком пошел... Безумие. За городом я, наверно, замерз бы... Но меня спасла случайность <...> Что-то сломалось в грузовике, я подошел, и шофер, к моему удивлению, сжалился надо мною... Машина шла сюда [2; 604].

В данном контексте в романе обозначен мотив побега в психиатрическую лечебницу от общества. Отметим, что в романе «Мастер и Маргарита» представляется возможным выделить две категории безумия — «безумие мира» и безумие личности. К первой относится комплекс проблем онтологического и философского характера, формирующий своеобразный диагноз социуму. В отечественной литературе указанный мотив находим в творчестве А. И. Герцена («Доктор Крупов», 1847; «Aphorismata...», 1869), где психиатр Крупов и его последователи обнаруживают абсурдность мировой истории и диагностируют помешательство рассудка у общества и мира в целом. В ситуации «болезни мира» герой-безумец у Булгакова является медиатором — его сумасшествие является результатом дисгармонии окружающей действительности, реакцией-протестом, способностью осознать окружающий упадок. В условиях «безумия мира» пространство сумасшед-

шего дома оказывается убежищем и пространством «нормы». Сам статус «душевнобольного», который приобретают герои романа, позволяет предполагать наличие у них души, что значимо в контексте обозначенной в романе философской и религиозной проблематики.

В связи с этим примечателен в романе и сюжет, согласно которому пребывание героев в психиатрической лечебнице оказывается своеобразной инициацией и позволяет им ощутить прозрение. Данный мотив распространяется как на героев, пребывающих в статусе пациентов, так и на тех, кто провел в клинике сравнительно небольшое время в качестве гостя. Так, в редакции романа 1932–1936 гг. одним из факторов, повлиявших на Ивана, является чтение Евангелия в стенах лечебницы (примечательно, что в романе упоминается о наличии рукописей чернокнижника в государственной библиотеке²⁴, при этом в библиотеке при клинике текст Священного Писания отсутствует — специально для героя книгу приобретают у букинистов). В черновиках романа 1931 г. кратковременное пребывание в лечебнице поэта Рюхина отрицательно сказывается на его душевном здоровье — прозрение (осознание отсутствия собственного таланта) приводит героя к нервной болезни:

Нервы у него заиграли. Он злился, чувствовал себя несчастным, хотел выпить <...> И лишь в начале второго Рюхин совсем больным неврастеником приехал в «Шалаш» [1; 119].

В романе Булгакова разносторонне представлен мотив побега из психиатрической лечебницы. Данный мотив частотен для мировой литературы и связан с ранее обозначенной линией отрицательной коннотации образа сумасшедшего дома: герои различных произведений (например, повести Г. П. Белорецкого «В сумасшедшем доме»), обладая или не обладая психическим заболеванием, стремятся сбежать из клиники. В отличие от Мастера, которого устраивает собственное положение, Бездомный пытается убежать из клиники, однако попытке выброситься из окна препятствует специальная сетка за шторами. Интересно, что в редакции романа 1928–1929-х гг. побег Ивану удастся: согласно реконструированному тексту, герой покидает лечебницу в облике огромного черного пуделя, а впоследствии угоняет колесницу с телом Берлиоза, роняет ее с Крымского моста в Москву-реку и возвращается в клинику. Отметим, что побег из лечебницы (или его попытка)

встречается и в других булгаковских произведениях: схожая ситуация побега прослеживалась в фельетоне «Как он сошел с ума» (1924) — с разницей в том, что герою фельетона все-таки удавалось выбить окно; доведенный до отчаяния герой рассказа «Красная корона» пытается лишить себя жизни осколком стекла (суицид как способ побега) — впрочем, герой пытается уйти не столько из клиники, сколько от кошмарных видений. Отчасти данный мотив прослеживается в редакции романа 1932–1936 гг., где Мастер сообщает Ивану:

...В этом доме очков носить не позволяют и <...> это напрасно... не станет же он сам себе пилить горло стеклом от очков? [1; 330].

Побег из московской клиники удастся доктору Полякову в рассказе «Морфий» — однако обстоятельства побега от читателя остаются скрыты (герой вырывает страницы дневника).

В силу сюжетных особенностей романа Булгакова судьба главных героев остается не проясненной и получает в тексте различные интерпретации: Мастера извлекает из клиники Воланд; Мастер и Маргарита улетают вместе с Воландом и свитой; Мастер умирает в клинике; герои похищены преступниками²⁵. Мастер — единственный из обитателей клиники, кому удается покинуть клинику, однако такой побег можно назвать метафизическим: тело героя пребывает на территории клиники, в то время сам герой находится вне лечебницы. Подобный мотив в отечественной литературе представлен в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз...» (1894), где герой Оноприй Перегуд летает на болота высидывать яйца цапли, в рассказе Л. Н. Андреева «Призраки» (1904), где Померанцев ночами летает по миру и совершает подвиги; в литературе советского периода данный мотив встречается в повести М. Я. Козырева «Ленинград» (1925), в книге Я. Э. Голосовкера «Сожженный роман» и других произведениях.

В романе примечательны образы безумцев, оказавшихся в стенах лечебницы до появления в Москве Воланда. В редакции 1932–1936 гг. присутствует сцена встречи Ивана с Тихоном Сергеевичем, продолжающим «участие» в Гражданской войне:

...Две женщины вывели мужчину, одетого, подобно Иванушке, в белье и белый халатик. Этот мужчина, столкнувшись с Иванушкой, засверкал глазами, указал перстом на Иванушку и возбужденно вскричал:

— Стоп! Деникинский офицер!
Он стал шарить на пояске халатика, нашел игрушечный револьвер, скомандовал сам себе:
— По белобандиту, огонь!
И выстрелил несколько раз губами: «Пиф! Паф! Пиф!» <...>
Иванушка расстроился.
— На каком основании он назвал меня белобандитом?
— Да разве можно обращать внимание, что вы, — успокоила его толстая женщина, — это больной. Он и меня раз застрелил! [1; 215].

В указанной сцене отметим свойственную героям-безумцам обличительную функцию: упрек в причастности к «белобандитам», с одной стороны, является неким отзеркаливанием слов Ивана о Рюхине («типичный кулачок»), с другой — слова Тихона, возможно, маркируют положительное внутреннее отличие героя от современников. В последующих редакциях романа Булгакова сцена меняется — в одной из тетрадей редакции романа 1932–1936 гг. вместо Тихона в Бездомного стреляет маленькая женщина в белом халате (с криком «Сознавайся, белобандит!» [1; 304]), а позже, в финальной версии, сцена встречи Ивана с сумасшедшим в коридоре практически полностью утрачивает связь с первоначальным замыслом.

Ситуация «убийства деникинского офицера» интересна и в другом контексте. В мировой литературе феномен безумия нередко развивается в контексте социальных потрясений и преобразований (революция, война, иные социальные потрясения). В рамках указанной темы в отечественной литературе первой половины XX в. (советского периода и эмигрантской) можно отметить произведения И. Э. Бабеля («Конармия»; 1926), В. Я. Зазубрина («Щепка»; 1923), Г. Газданова («На острове»; 1932) и других литераторов. Образ сумасшедшего дома в указанном контексте также получает свое развитие в различных направлениях: помимо ситуации, когда утрата рассудка становится реакцией героев на военный конфликт (например, рассказ З. Н. Гиппиус «Нет возврата» (1909)), в художественной литературе встречаются сцены разыгрывания военных действий в лечебнице: драка между солдатами в сумасшедшем доме упоминается в новелле Л. Н. Андреева «Красный смех» (1904), в повести И. С. Шмелева «Это было» (1922), душевнобольные обитатели «Отдела Луны» и вовсе продолжают участие в боевых действиях. Указанный мотив прослеживается не только в художественной

литературе, но и в советской периодике — в «Рабочей газете» обнаруживается цикл статей Е. Ромаса «Вне жизни: в гостях у обитателей „Канатчиковой дачи“» (1923), одна из которых посвящена жертвам социального переворота: среди прочих ярко описаны крестьянин Колужный, видящий повсюду огонь, погоны и красные звезды, и бывший приказчик Черешнин, готовящийся выступить против «врачебно-служительского персонала» и произвести переворот в лечебнице.

Примечания

- 1 *Иоскевич О. А.* На пути к «безумному» нарративу (безумие в русской прозе первой половины XIX в.): монография. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 8.
- 2 *Творчество Михаила Булгакова: исследования, материалы, библиография.* СПб., 1991. С. 320.
- 3 Там же. С. 321
- 4 *Земская Е. А.* Михаил Булгаков и его родные. М., 2004. С. 119.
- 5 *Виленский Ю. Г.* Доктор Булгаков. Киев, 1991. Автор книги сообщает, что в учебной программе вниманием профессора были отмечены галлюцинации, состояние бессонницы, тоски и страха, проявления невротозов. В свидетельстве об окончании курса медицинского факультета у Булгакова по предмету «нервных болезней» значилась оценка «четыре».
- 6 Август Явич приводил размышления Булгакова относительно внутренней политики Калигулы: «И потом, что такое безумие? С точки зрения сенаторов Калигула, назначивший сенатором своего рыжего жеребца, несомненно, сумасшедший. А Калигула, вводя в сенат коня, лишь остроумно показал, чего стоит сенат, аплодирующий коню. Какая власть не объявляла своих политических противников бандитами, шпионами, сумасшедшими?». См.: Воспоминания о Михаиле Булгакове: Сборник. М.: Сов. писатель, 1988. С. 160.
- 7 *Васильев Ю. А.* Очерки физиологического духа: опыт объективной трактовки душевных явлений. Пг.: Сеятель, 1923; *Краснушкин Е. К.* Судебно-психиатрические очерки. М.: Мосздравотдел, 1925.
- 8 *Брусянин В. В.* Доктора и пациенты. Типы врачей в художественной литературе. Литературно-общественные параллели. СПб., 1914.
- 9 *Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской; вступ. ст. Л. Яновской.* М.: Кн. палата, 1990. С. 191.
- 10 Там же. С. 191.

- 11 Там же. С. 191.
- 12 Там же. С. 174.
- 13 РО ИРЛИ. Ф. 369. № 502.
- 14 Булгаков М. А. Из первой редакции «Мастера и Маргариты»: фрагменты реконструкции // Лит. обозрение. 1991. № 5. С. 22.
- 15 Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. В 2 т. Т. 2. М.: Пашков дом, 2014. С. 588. Далее ссылки на текст романа будут приводиться по этому изданию в основном тексте с указанием в квадратных скобках тома и страницы [2: 588].
- 16 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. С. 402.
- 17 В контексте ономастического уровня исследуемой темы отметим, что в романе обозначен ряд прозвищ и кличек (Га-Ноцри, «Чума», «длинный по кличке Фагот» и др.). Герои, столкнувшиеся с потусторонней силой, обретают статус «жертвы Луны». В эпилоге романа указано, что Мастер, согласно версии следствия, обретает «...мертвую кличку: „номер сто восемнадцатый из первого корпуса“». Примечательно, что после открытия «мертвой клички» лексема «мастер» в романе больше не употребляется, в то время как «номер сто восемнадцатый» — еще дважды.
- 18 В романе упоминается имя философа-скептика Секста Эмпирика — одна из работ мыслителя присутствовала в библиотеке Булгакова (Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1913).
- 19 Подробнее: Сапченко Л. А. Сумасшедший дом в произведениях русской литературы: от Карамзина — к Чехову // Вопр. литературы. 2002. № 11/12. С. 342–356.
- 20 Быковский И. К. Сто дней в сумасшедшем доме: впечатления автора. М.: Тип. Добрышева, 1903. С. 11.
- 21 Беляев А. Р. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. Властелин мира; Вечный хлеб; Человек, потерявший лицо. М.: Мол. гвардия, 1963. С. 99.
- 22 Булгаков М. А. Собр. соч. В 8 т. Т. 1. Белая гвардия. Записки на манжетах. Рассказы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. А. Яблокова. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 370.
- 23 Булгаков М. А. Собр. соч. В 8 т. Т. 2. Повести. Записки юного врача. Морфий / сост. и коммент. Е. А. Яблокова. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 393.
- 24 В различных редакциях романа представлено внутреннее обустройство дома Пашкова, еще одна библиотека упоминается в ершалаимских главах — Пилат предлагает Левию стать ее сотрудником.
- 25 Мотив похищения пациента из лечебницы встречается в художественной литературе: например, в романе А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» героиню Мари Лоран крадут из лечебницы Равино.